

юбилей

Фото: ИТАР-ТАСС

Григорий Александров с супругой Любовью Орловой Фото: ИТАР-ТАСС

ОН Григория Любил Александрову — Мистификации 100 лет

Александров — краеугольный камень советского кинематографа, автор легендарных комедий и мелодрам «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Весна», «Цирк» — был еще и соавтором и соратником Сергея Эйзенштейна. Одной из последних в жизни Александрова стала работа над незавершенным фильмом Эйзенштейна «Да здравствует Мексика!». Работавший вместе с ним над картиной кинорежиссер Никита Орлов вспоминает о Григории Александрове.

У меня неюбилейные воспоминания... Хотя я считаю его классиком советского кино и за один «Цирк» ему надо было памятник поставить. Но в дальнейшем его судьба претерпела ряд серьезных ударов — я имею в виду не политических, а творческих. Я долгое время думал, что он стар, болен, что ему трудно, а потом понял, что дело не в этом. Он просто живет в том времени, в котором сотворил лучшие свои произведения, и так отстал от жизни, что многое ему не дано. Я ему в ученики годился по возрасту. Он, кстати, когда его спрашивали, почему он работает с Орловым, отвечал: «У меня к фамилии пристрастие».

«Да здравствует Мексика!» получила Гран-при Московского фестиваля, но она шла как картина Эйзенштейна: это все знаки внимания к Сергею Михайловичу, которого до последних десяти лет знали даже эски-

мосы. Естественно, из уважения к нему и картину приняли, хотя она мало похожа на Эйзенштейновскую. Я хотел ее перевести в план рассуждений об Эйзенштейновской картине, но к этому отнеслись без должного внимания. Несмотря на то что я с этой картиной ездил за границу и чуть ли не лекции читал в Японии, у меня с ней связаны скептические воспоминания. Конечно, это не Эйзенштейн. Я написал даже пролог о том, какой картина была задумана и какой автор видит ее сейчас. Когда мы работали над ней с Александровым, он уже был очень болен. Правда, когда картину приняли, он пригласил меня, курил сигару, предложил выпить бутылку красного вина. Он поехал с картиной в Италию, а я куда-то в Африку. Александров после картины немного оживился, он хотел еще делать со мной фильм о Любови Петровне, но к тому времени у меня была другая работа.

Известна история о том, как Сталин принимал «Светлый путь». Григорий Васильевич был любимцем Сталина. Когда его спрашивали, каким должен быть интеллигент, он отвечал: «Таким, как Григорий Александров». Он был безумно красив, умен... даже не умен, он был человек с хитринкой, очень правильно понимающий, что надо делать. Любил мистификации. Когда он снял «Светлый путь», рассказ о судьбе Золушки в стране социализма, то приехал показывать ее Сталину — тот обычно с картиной вызывал его. Сталин посмотрел, кивнул, молча прошел к двери. Достал трубку, спичку... Григорий Васильевич, поскольку был любимцем, отважился его преследовать, подошел за ним к двери и сказал: «Иосиф Виссарионович, вы не говорите всего. По-моему, вам картина не понравилась». Сталин сказал: «Нет, все нормально». Тот: «Вот вы говорите «нормально», а раньше говорили, что можно поправить...» Сталин действительно правил «Веселых ребят», и даже название это сталинское — картина называлась «Джаз-комедия». Обо всем этом памяти, осмелев, Григорий Васильевич начал допытываться: что-то, наверное, все же не так. Тогда Сталин посмотрел ему в глаза и сказал замечательную фразу: «Дорогой мой, угодная — никогда не угодишь».

Кажется, после того как он «Весну» сделал, пригласил на дачу всех своих коллег, что вообще было несчастным явлением в то время. Они жили, как генералы, которые командуют разными частями и смотрят друг на друга если не с ревностью, то с мыслью, что кто-то может подсидеть. В общем, отношения были непростыми, особенно если учесть, что все режиссеры были государственными деятелями: считайте, почти номенклатура ЦК, если не Политбюро. И вот собрал он их, и в середине приема горничная — у него служила горничная — вошла с телефоном (у него был телефон на длинном шнуре, это было аристократично, это была редкость) и сказала: «Вас

к телефону». Он взял трубку, попросил всех замолчать или говорить потише и сказал: «Это из Кремля». «Да, товарищ Сталин. Спасибо, товарищ Сталин. Большое спасибо». И повесил трубку. Все: «Это Сталин?!» «Да, он поздравил меня с большой победой — с картиной «Весна». Потом выяснилось, что Сталин не звонил да и вообще картину принял довольно холодно... Но вот Александров мог себе позволить такое, хотя, если бы его разоблачили, у него были бы неприятности. Он такой был человек — ну, не лукавый, но понимающий, как надо в это авантюрное время себя вести. Они поехали с Эйзенштейном в двадцатых годах в Мексику, в Америку. Александров был его ассистентом и одновременно — соавтором. В то время были «авторские», чтобы поддержать своего помощника, его делали соавтором по сценарию. Тогда платили проценты с каждого билета, и они все очень неплохо жили. Он уехал с Эйзенштейном в Америку, а под Эйзенштейна начали здесь копать. У него были очень плохие отношения с тогдашним председателем Госкино Шумяцким: Эйзенштейн, человек не без ехидства, его все время подкалывал, и, естественно, Шумяцкий его возненавидел. Когда появилась возможность скомпрометировать Эйзенштейна, он это сделал.

А Эйзенштейн увлекся идеей фильма о Мексике, который делался на деньги Эптона Синклера, но время переменялось, и Эйзенштейн начал оттуда выпроваживать. Но тот как раз загорелся и хотел в последней части, которая как раз и не состоялась, сделать настоящую картину. Все, что снято, — это просто двери к главному эпизоду. Короче говоря, Эйзенштейну понадобилось продление визы, а тогда это делалось очень долго. Виза задерживалась, а Синклер, желая помочь, написал Сталину в письме: мол, мы с Эйзенштейном делаем картину о Мексике, которая произведет более сильное впечатление, чем «Броненосец «Потемкин»». Сталин ему ответил такой фразой: «Судя по всему, Эйзенштейн не хочет возвращаться в Россию, но мы и без него обойдемся».

Естественно, здесь, узнав об этом, жена Эйзенштейна срочно ему послала «Выезжай!», он выехал, а Александров остался в Америке. И приехал сюда, смонтировав там из журналов какие-то сюжеты — неплохо, нормально, хроникальные сюжеты... о торжестве социалистической индустрии! То есть он уже перестраховался. Если Эйзенштейн ехал в порыве на пустое место, «может, и посадят», то Александров ехал с мандатом, который давал ему надежду на неприкосновенность. Но еще он приехал сюда, зная американский кинематограф. Посмотрите «Цирк», «Веселых ребят». Там просто основная сцена драки в общепитии добротно переведена — не говорю, что «сдернута» — с очень хорошей американской немой картины «Восстающие скворцы». То есть это не плод осенения. Он приехал с багажом, который

у нас воспринимался как открытие. Поэтому его первые шаги были подготовлены к успеху.

У меня даже был сценарий об этой всей истории написан, и Александров хотел, чтобы мы его делали с его сыном, но это не сложилось. Дело в том, что Григорий Васильевич сразу взял бюллетень, как только подписали приказ о запуске.

Я же понимал, что кто-то спросит с нас, и написал сценарий, который ему подарил. Он страшно испугался, решив, что я хочу залезть к нему в карман: написал сценарий, значит, деньги будут требовать. Я ему тысячу раз повторил: «Григорий Васильевич, это мой подарок». Тогда он вместе с сыном за ночь или две написал какой-то сценарий, читать который было невозможно, кроме двух страниц, которые, как потом выяснилось, написал его сын. И получил за это деньги!

Мне даже предложили потом получить какую-то часть, я отказался. Как только он получил деньги, пришел ко мне и сказал: «Никита, если говорить по правде, надо снимать фильм по вашему сценарию». И мы снимали по моему сценарию. Но этого мало: мне позвонил его сын и сказал, что хочет снимать трехчастный фильм о съемках в Мексике, и это, по-моему, было самое интересное. Мы это так и не осуществили, потому что сын его умер. Может, оно и к лучшему, что не получился этот фильм. Участие Александрова, конечно, к этому не сводилось. Он очень долго монтировал фильм. Я сам мог бы смонтировать как человек другого поколения, но терпеливо ждал, пока появится автограф Александра.

Я старался, чтобы это был если не Эйзенштейн, то хотя бы Александров. Он вносил поправки, это было обязательным — слишком большая дистанция между мной и Эйзенштейном. Во время работы над этим фильмом ко мне пришел журналист из «Литературной газеты» — в то время очень серьезного и модного издания. Я категорически отказался разговаривать — мне было неудобно, и я говорю: «Поговорите с Григорием Васильевичем». Я услышал ответ, который меня поразил: «Не буду звонить Александрову, он меня подвел». Оказывается, в прошлом интервью он сказал, что говорил с матросом Вакулинчуком — организатором восстания на «Потемкине», и они это опубликовали. Через два дня — опровержение: Вакулинчук умер тридцать лет назад. Александров как-то еще рассказывал сюжет — потрясающий. Во время войны немцы сбросили шпиона, он парашютом зацепился за Дзержинского и сел посреди Лубянки. Мы все посмеялись, я сразу понял, что этого не могло быть, но одна дама сказала: «Григорий Васильевич, ну что вы, тогда не было памятника Дзержинскому, он появился после войны». Он сказал: «Нет, был». Он любил придумывать, и в его комедийных фильмах это было потрясающе использовано. А в его биографии многое — миф.

газета Григорий Александров фильмография

- 1924 — «Стакан» (актер, сценарист)
- 1925 — «Броненосец «Потемкин»» (актер, второй режиссер)
- 1927 — «Девушка с далекой реки» (сценарист)
- 1927 — «Октябрь» (второй режиссер, сценарист)
- 1929 — «Старое и новое» («Генеральная линия») (второй режиссер, сценарист)
- 1934 — «Веселые ребята» (режиссер, сценарист)
- 1936 — «Цирк» (режиссер, сценарист)
- 1938 — «Волга-Волга» (режиссер, сценарист)
- 1940 — «Светлый путь» (режиссер)
- 1943 — «Одна семья» (режиссер)
- 1947 — «Весна» (режиссер, сценарист)
- 1949 — «Встреча на Эльбе» (режиссер)
- 1952 — «Композитор Глинка» (режиссер, сценарист)
- 1973 — «Скворец и Лира» (режиссер, сценарист)
- 1979 — «Да здравствует Мексика!» (режиссер, сценарист)
- 1983 — «Любовь Орлова» (режиссер, сценарист)